

И вот подчинённые с весельем наблюдали, как второй и третий принцы соревнуются в борьбе. Второму принцу было девятнадцать, отец недавно сосватал ему младшую дочь вождя крупного племени. Однако принц счёл её некрасивой, отказался, ослушался отца и был за это сослан в северо-западные пустоши. Вернулся он лишь пару дней назад.

Второй принц, естественно, одолел младшего брата и потребовал награду. Шаньюй, недовольный, передал кинжал Красавцу. Тот с радостью принял его, вынул из ножен и осмотрел. Клинок был острым, стальным, режущим железо. Это была личная реликвия шаньюя, которую он носил с собой более десяти лет. Ножны, украшенные редкими самоцветами, сверкали роскошью. Красавец, знающий толк в драгоценностях, понимал, что кинжал необыкновенный, и с удовольствием спрятал его за пазуху. Обернувшись, он увидел, как второй принц, с обнажённым торсом, недовольно сверлит его взглядом. Красавец, нахмурившись, сердито посмотрел в ответ, и принц, покраснев, отвернулся.

Глядя на растрёпанные от борьбы волосы второго принца, Красавец в душе снова принялся его бранить: урод, невежа, грубиян. Его брат-император никогда не стал бы валяться в пыли — он бы просто отрубил голову непокорному слуге.

Получив кинжал, Красавец приободрился, и последующие забавы уже не казались ему столь отвратительными. Шаньюй передавал ему множество прекрасных даров, и Красавец, сидя на своём месте, окружённый подношениями, был доволен. Замёрзшая волчья туша тоже лежала рядом — шаньюй сказал, что собственноручно снимет шкуру, чтобы сшить для Яньчжи одежду.

От этой мысли настроение вновь испортилось. Увидев волчьи шкуры на других жёнах шаньюя, Красавец счёл их невероятно уродливыми. Все приближённые заметили особую милость правителя к Яньчжи и тоже начали заискивать перед ним. Доблестные всадники устроили для него скачки, прекрасные дочери вождей танцевали, а сам шаньюй лично спустился на поле, чтобы из лука сбить орла.

Когда ещё тёплую тушу птицы проворный третий принц на быстром коне доставил к ногам Яньчжи, прекрасное лицо наконец озарила улыбка.

Красавец едва не рассмеялся, увидев орлиное перо, торчащее из взъерошенных волос третьего принца. Такой уродливый и простоватый! Шаньюй, обрадованный тем, что его Яньчжи перестал хмуриться, тут же отрубил орлу голову, вырвал самые красивые перья и поднёс их ему.

Красавец, глядя на окровавленные перья в своей ладони, снова готов был заплакать.

Вечером, как водится, зажгли великий костёр. Приближённые пели и плясали вокруг огня, и даже сам шаньюй встал перед пламенем и затянул песню для Красавца. Тот не понял слов — что-то про «прекрасную Яньчжи, мою луну, моё сердце». Смущённый Красавец, после того как шаньюй закончил, был вытолкнут толпой вперёд, к огню.

Его стали упрашивать станцевать для великого Ивэйсе, великого хана степи. Красавец почувствовал себя ужасно — он не станет плясать для уродливых кочевников, он танцевал лишь для брата. Под давлением толпы он не мог отказаться, а шаньюй смотрел на него с таким ожиданием, что ему хотелось провалиться сквозь землю. Слуга, зная его нрав, принёс цинь. Красавец, не обращая внимания на разочарованные вздохи, спокойно уселся перед костром и заиграл для шаньюя.

Лунный свет струился на него, и Красавец, перебирающий струны циня, выглядел прекраснее всех танцующих княжон. Грубые степняки впервые слышали ханьскую музыку и были

очарованы, проникаясь ещё большим почтением к прекрасной Яньчжи. Шаньюй сидел напротив, с удовольствием слушая игру. Внезапно поднялся второй принц, до того молчаливый, и начал исполнять боевой танец с мечом под аккомпанемент. Старший принц, которого обнимала жена, недовольно нахмурился. Третий принц, также пленённый Яньчжи, испросив позволения отца, вышел и присоединился к брату.

Красавец, испуганный яростным лязгом клинков, оборвал мелодию. Братья, разгорячившись, начали сходитьсь по-настоящему. Третий принц, проигравший утреннюю схватку, жаждал восстановить лицо перед отцом и Яньчжи.

Шаньюй встал, обнял перепуганного Красавца и рявкнул на сыновей:

— Иэрдань, Улэйжо, хватит!

Принцы, тяжело дыша, расступились, сверкая друг на друга глазами. Красавец лишь глубже презирал их, глядя на этих юнцов, он едва не закатил глаза. Второй принц, с примесью крови цзе, был светлее кожей и тоже мнил себя красавцем, презирая невесту, навязанную отцом. Третий же ещё не вырос, глаза у него были, как у отца, — чёрные и яркие, словно звёзды, улыбка — открытая, но в столкновениях с братом лицо его каменело. Брат отнял у него кинжал, который по праву должен был быть его, и хотя тот теперь оказался у Яньчжи, он жаждал доказать своё превосходство.

Шаньюй, отчитав ревнивых сыновей и видя, что уже поздно, взял Красавца на руки и понёс в шатёр. Проходя мимо второго принца, Красавец слегка задел его руку своей щиколоткой. Принц бросил на него тёмный взгляд, но Красавец, смущённо уткнувшись лицом в волчью шубу шаньюя, ничего не заметил.

Шаньюй сразу уложил его на широкое ложе, прогнал вошедшего слугу и принялся раздеваться. Красавец снова заплакал. Шаньюй, видя его слёзы, прикрикнул:

— Чего опять?!

Красавец не выдержал и выпалил:

— Почему ты не моешься! У-у-у...

Вчера не мылся, сегодня опять не собирается, лицо не умыл, и ему тоже не дал помыться. Как тут не горевать? Его брат купался каждый день, и когда обнимал его, всегда был чист и благоухал амброй. А шаньюй, будучи правителем, почему не моется?! Шаньюй задумался, вспомнил, что его Яньчжи любит чистоту, и тут же велел слугам занести в шатёр кадку с водой.

Слуги принесли холодную воду. Шаньюй разделся и за шатром кое-как ополоснулся, после чего, с голым торсом, вернулся и потянулся к Яньчжи. Тот, увидев мокрые волосы на его груди, отпрянул и испуганно заявил, что тоже хочет помыться.

Шаньюю пришлось ждать на кровати. Красавец отправился в глубину шатра, где слуги неспешно помогли ему омыться. Шаньюй, не дождавшись, накинул одежду и вошёл, выхватил из рук служанки полотенце и принялся вытирать волосы Красавца. Тот, сидя на меховой табуретке, всё ещё был обнажён, и когда шаньюй схватил его мокрые волосы, он снова вздрогнул и заплакал.

Шаньюй счёл свою Яньчжи слишком пугливой и несговорчивой и захотел её утешить. Он

присел перед ним, снял с шеи своё ожерелье из волчьего клыка и протянул ему. Острый клык был отполирован до белизны — шаньюй добыл его из пасти волчьего вожака, едва достигнув зрелости, и носил десятилетия, пройдя с ним бесчисленные битвы; талисман приносил ему удачу.

Красавец, вертя в пальцах потёртый клык, с отвращением подумал, что убогие кочевники и волчью кость за драгоценность почитают. Шаньюй, поцеловав свою капризную и неразумную Яньчжи, мягко подхватил его под ягодицы и отнёс на кровать. Красавец, сидя на его руках, разглядел множество шрамов на его спине и снова забеспокоился: шаньюй уже немолод, что, если его подчинённые погубят? Тогда его, Красавца, снова будут терзать эти уроды.

Пока он предавался мрачным думам, шаньюй уже уложил его на ложе, мягко придавил своим телом и при свете огня принялся любоваться его прекрасным телом, приблизив нос к его промежности и глубоко вдыхая.

<http://bllate.org/book/16253/1461925>